

Лян Хуань знал, что если он сейчас что-то сделает с Чэнь Шучжи, тот не сможет сопротивляться. Но он не хотел ничего делать, просто хотел спокойно смотреть на него.

Постепенно в его сердце начало расти чувство, которое распространялось по всему телу. Возбуждение, сладость, но также страх и смятение.

Он не просто хотел использовать его для удовлетворения своих желаний, он хотел, чтобы он был счастлив, хотел его заботы, хотел быть в его сердце, хотел быть рядом с ним весь день, хотел дать ему всё самое лучшее.

Никто не учил Лян Хуаня, как назвать это чувство, но он предполагал, что оно похоже на то, что он когда-то выражал ему.

Если бы он знал, что будет так думать сейчас, почему тогда не был серьёзнее?

Лян Хуань протянул руку, чтобы коснуться его щеки. Его рука была холодной и дрожала, но щека Чэнь Шучжи была тёплой. Он закрыл глаза, сосредоточившись на ощущениях и температуре.

Если хочется, то нужно просто взять. Это не что-то особенное, он согласится. Даже если не согласится, нужно будет уговорить, он не сможет устоять перед его жалобными мольбами, это точно сработает.

Ведь за столько лет он получил почти всё, что хотел. Разве он сложнее, чем государственные дела?

В первый день Нового года делать было нечего, Чэнь Шучжи планировал проспать до обеда, но, поскольку Лян Хуань жил у него дома, ему пришлось встать рано, чтобы приготовить завтрак.

Первый завтрак года должен быть сытным, он не знал, что готовят во дворце, и не знал, что любит Лян Хуань, поэтому просто замесил тесто и приготовил всё, что мог придумать.

Он поставил на стол миску супа с лапшой, две палочки жареного теста, тарелку пельменей, кусок рисового пирога и миску шариков из клейкого риса, а также полный чайник заваренного чёрного чая.

Выйдя из комнаты, Лян Хуань увидел этот стол и с недоверием спросил:

— Синли... это всё ты приготовил?

Чэнь Шучжи улыбнулся:

— У меня дома только это, получилось не очень, но Вы сможете поесть.

Лян Хуань поспешно сел и начал есть. Неизвестно, был ли он голоден или просто потому, что это приготовил он, но он никогда не думал, что утром может съесть столько.

Вскоре он вспомнил вопрос, который его беспокоил всю ночь:

— Синли, гребень, который я тебе подарил, ты его сохранил?

Чэнь Шучжи спокойно ответил:

— Когда я уезжал, не смог взять с собой, оставил в Подворье Юнчжоу.

— Что? — Лян Хуань немного рассердился. — Я тебе подарил, а ты просто выбросил?

Чэнь Шучжи был смущён. Зачем он спрашивает об этом? Такая вещь не имеет особого значения. Зачем её хранить, чтобы потом вспоминать, как это было унижительно?

— Вы же не хотите, чтобы я помнил, зачем Вы его подарили. Если Вы сейчас что-то подарите, я обязательно сохраню.

Услышав это, Лян Хуань потерял аппетит и задумался. Он был прав, но тогда причина была выдумана, а сейчас нет!

Нет, нужно его найти.

Он встал и ушёл, Чэнь Шучжи был удивлён и окликнул его:

— Куда Вы? Плащ в комнате... Мне проводить Вас?

— Не нужно. Ты всё время смотрел, как я ем, теперь поешь сам.

Лян Хуань вернулся, взял плащ и вышел.

Чэнь Шучжи, конечно, не хотел его провожать, и, как только он ушёл, сразу закрыл дверь.

Первый день Нового года был солнечным, яркий свет растопил снег, и на дорогах образовались маленькие ручьи.

Подходя к Подворью Юнчжоу, Лян Хуань заметил, что напротив открылась другая гостиница под названием «Казённое подворье Юнчжоу». Он усмехнулся: казённое подворье, значит, управляется властями, чтобы конкурировать с Подворьем Юнчжоу?

Войдя в знакомую гостиницу, он услышал, как гости обсуждают, как казённое подворье переманивает клиентов низкими ценами. Хозяйка, увидев его, тепло поприветствовала:

— Господин Линь! Давно не виделись, ты тоже переехал с господином Чэнем? — Кстати, чуть не забыла, господин Чэнь оставил тебе кое-что. Уже давно, но ты не приходил, теперь передам.

— Что это? — с любопытством спросил Лян Хуань, подойдя к стойке.

Вскоре хозяйка нашла коробку и стопку сложенных бумаг и передала их Лян Хуаню:

— Это господин Чэнь оставил тебе перед отъездом из столицы, потом он вернулся, но не забрал, и это осталось у меня.

Лян Хуань сел в зале, сначала открыл коробку — это был тот самый гребень. Затем развернул бумаги...

На некоторых были стихи, на других — записи, подробно описывающие то, что они делали вместе. Они ходили на Башню Чжэньвэй смотреть фейерверки, в Павильон Хуаньчжэнь слушать оперу, просто гуляли по улицам или ели и спали.

Он не писал прямо о своих чувствах, но из его изысканных слов можно было уловить их.

Лян Хуань становился всё более взволнованным, судя по написанному, у него тоже были такие чувства. Вспомнив прошлое, он понял, что много раз подавал ему знаки, но он ни разу не

понял. Тогда он думал, что это просто игра, и не воспринимал всерьёз, поэтому всё затянулось.

Если это так, то стоит поговорить с ним, и всё наладится. Это совсем не сложно.

Однако на последнем листе было письмо, которое Чэнь Шучжи написал перед отъездом из столицы. Даже в таком письме его слова были витиеваты и полны вежливости, Лян Хуань долго читал, чтобы понять смысл:

«Если ты читаешь это письмо, значит, тебя хоть немного заботит мой отъезд. Раз ты заботаешься, я не против объяснить».

Возможно, для тебя обман ради своих целей — это обычное дело. Я не могу тебя осуждать, но мне больно, я не могу оставаться в этом месте, которое приносит мне боль, и не хочу больше видеть тебя, поэтому я решил уехать».

Прочитав это, Лян Хуань был удивлён. Неужели тогда он действительно был ранен? Почему он ничего не сказал?

Вспомнив, как он ушёл из Подворья Юнчжоу и как он прятал слёзы в Саду Яшмового Леса, он понял, что это всё из-за него.

Поэтому он оставил это здесь, поэтому он уехал из столицы, поэтому он говорил, что хочет «сохранить лицо», поэтому он отказывался от всего, что он хотел для него, используя свои правила и манеры, чтобы держать дистанцию.

Он не говорил открыто, потому что не мог жаловаться, не мог прийти к нему с претензиями. Но на самом деле он всё сказал, он мог сказать только это, а он был слишком глуп, чтобы понять.

Подумав об этом, Лян Хуань почувствовал боль, но не считал это чем-то серьёзным.

Если он ранил его, нужно извиниться, если он должен ему, нужно возместить с лихвой.

Ведь у него есть чувства, и если быть искренним, он обязательно его тронет.

Третья ночь Нового года была всё такой же холодной, но жители столицы не теряли энтузиазма в запуске фейерверков.

В любом уголке столицы, подняв голову, можно было увидеть яркие вспышки в небе, но, насмотревшись, они казались слишком шумными, почти давящими.

А в Башне Чжэньвэй по-прежнему было темно, и в воздухе витал слабый запах плесени. Чэнь Шучжи с трудом поднимался по ступенькам, не понимая, зачем Лян Хуань внезапно вызвал его в это место, которое уже начало стираться из памяти.

Ему не нравилась эта башня, для слабого физически учёного подниматься на семь этажей было слишком утомительно. С трудом дойдя до вершины, он увидел высокую фигуру, стоящую у окна и смотрящую на фейерверки, вспыхивающие в небе.

Чэнь Шучжи думал, что, вернувшись сюда, старые воспоминания вызовут в нём какие-то эмоции, но, осмотревшись, он лишь нашёл место, где они стояли в прошлый раз, но не почувствовал ничего.

Поэтому он спокойно подошёл и, без эмоций, произнёс:

— Ваше Величество.

Лян Хуань сразу обернулся, увидел Чэнь Шучжи, стоящего на коленях, и услышал его чёткие слова:

— Ваш слуга приветствует Ваше Величество.

На этот раз Лян Хуань не разозлился на его манеры, а мягко поднял его, подвёл к окну и весело сказал:

— В прошлый раз, когда мы были здесь, фейерверков было меньше, сейчас, в Новый год, всё гораздо ярче.

<http://bllate.org/book/16213/1455851>